

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

Вполне оправданный интерес со стороны лингвистов и историков культуры вызывают названия диких и культурных растений, общие для многих, а в редких случаях почти для всех индоевропейских языков. Сравнительно-исторический анализ таких названий в совокупности с данными археологии и палеоботаники позволяет судить с той или иной степенью вероятности о растительно-климатических условиях, в которых жили предки современных индоевропейцев в период наибольшей близости диалектов, о месте их первоначального обитания, помогает воссоздать картину членения индоевропейского языка-основы и последующего лингво-географического распределения его диалектов (например, проблема бука, березы, ячменя и т. д.). Изучение названий растений, особенно культурных, сверх того, дает в руки исследователя факты, которые вместе с археологическими данными часто бывают единственными свидетельствами образа жизни, степени развития земледелия, а также языковых и этнических контактов в дописьменный (доисторический) период. В решении указанных проблем первостепенная роль принадлежит лингвистическим исследованиям, потенциально содержащим возможность этнической стратификации археологически вскрываемых явлений материальной культуры.

К сожалению, именно в области названий растений в этимологической литературе наблюдается весьма ощутимый пробел, что неоднократно отмечалось¹.

Однако по причинам, отмеченным выше, среди множества названий культурных растений, встречающихся в индоевропейских языках, немногим более десятка привлекают особое внимание и толкуются тем или иным образом во всех, без исключения, этимологических и реальных словарях.

Поскольку из них одни названия встречаются в индоевропейских языках Европы и в индоиранских (названия *ячменя*,

¹ Из последних упоминаний см.: А. Carnoy. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain, 1959, стр. V, где, по словам автора, предпринята попытка заполнить лакуну в этимологии греческих фитонимов, существующую в словарях Бузака, Гофмана и Фриска.

пшеницы, полбы, проса), другие прослеживаются только в европейских языках (названия льна, мака, репы, плодов и стручков гороха, боба)², казалось бы, вполне естественно предположить, что культуры первой группы были известны индоевропейцам еще в эпоху диалектной общности, а с культурами второй группы они познакомились в период расселения, во всяком случае уже после отпадения индоиранцев³. Но этот важный культурно-исторический вывод в лингвистическом аспекте представляется слишком общим и прямолинейным, так как между судьбой названий (слов) и историей реалий (вещей) нет прямого тождества; история слов прихотливей и сложнее.

Носители индоиранских диалектов, покинув места первоначального обитания, попав в другие природные условия и изменив образ жизни, могли утратить некоторые названия вместе с реалиями или сохранить их в виде трудно обнаруживаемых следов, как это произошло, например, с общеиндоевропейским названием *свиньи* и *соли*: первое отражено в сакс. *fāsa* 'свинья'⁴, второе — в вед. *sal-ilā* 'море'⁵. Таким образом, теперь поколеблен один из основных аргументов в пользу тезиса, долго считавшегося неопровержимым, о том, что отделение носителей индоиранских языков произошло до начала земледелия⁶. С другой стороны, анализируя индоевропейские названия злаков, общие для восточных и западных индоевропейских языков, такие, например, как лит. *jāvas* 'семя', мн. *javal* 'хлеб в зерне или на корню, жито', греч. ζεῆ < *ǵeFá

² Относительно полный список названий указанных культур со всеми соответствиями по индоевропейским языкам помещен в кн.: J. Hoops. *Waldbäume und Kulturpflanzen im Germanischen Altertum*. Strassburg, 1905, стр. 344—345, 349—350 — фундаментальном труде, не потерявшем до сих пор своего значения как собрание лингвистического и археологического материала. См. также: O. Schrader — H. Krahe. *Die Indogermanen*, Leipzig, 1935, стр. 30 и сл.

³ Между прочим, так в общих чертах рассуждали А. Декандоль (A. de Candolle. *Der Ursprung der Kulturpflanzen*. Leipzig, 1884), И. Хоопс и О. Шрадер (указ. соч.), В. Хен (V. Hehn. *Kulturpflanzen und Haustiere*, Berlin, 1911).

⁴ E. Benveniste. *Noms d'animaux en indo-européen*. — BSL, 45, 1949, стр. 88 и сл.; О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 62 и сл.

⁵ P. Thieme. *Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache*. «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Akad. der Wissenschaften und der Literatur in Mainz)», Jg. 1953, № 11. Wiesbaden, 1954, стр. 561 (27).

⁶ См.: E. Benveniste. Указ. соч., стр. 89; В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка. — ВЯ, 1956, № 2, стр. 118. Ср.: O. Schrader — H. Krahe. Указ. соч., стр. 32 — отсутствием упомянутых терминов в индоевропейских языках подкрепляется мысль о том, что восточные индоевропейцы не знали земледелия.

‘полба?’), др.-ирл. *eorna* ‘ячмень’, др.-инд. *yāvas* ‘хлеб в зерне особенно ячмень’, пали *yavo* ‘ячмень’, авест. *yava-* ‘хлеб в зерне или на корню; ячмень?’, н.-перс., афг., белудж. *jav* [*džav*] ‘ячмень’, осет. *yau*, *yāu* ‘просо’⁷, хетт. *eḫa-* ‘вид ячменя’⁸, ни в кой мере нельзя прямо заключать о степени развития земледелия или решать вопрос, какие виды злаков культивировали индоевропейцы периода общности, так как не исключено, что исходные праиндоевропейские имена для приведенных названий в период индоевропейской общности могли обозначать зерно еще диких злаковых растений или сами растения, о чем, возможно, говорят значения лит. *jāvas*, мн. *javai*, и только позже, в период распада индоевропейской общности, были перенесены на культурных представителей злаковых⁹.

Имея в виду сказанное, нам представляется в настоящее время наиболее целесообразным и важным осуществить выделение из числа названий упомянутых выше культур тех, которые восходят к эпохе индоевропейской общности, и тех, которые появились (по крайней мере в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках) позднее, в результате языковых и культурных контактов, и, если удастся, определить источник распространения вторых. Это можно осуществить, лишь подвергнув специальному исследованию каждое название отдельно и в совокупности с другими, тем более что со времени появления подобной работы (мы имеем в виду книгу Хоопса) прошло свыше пятидесяти лет¹⁰.

Из названий культурных растений, известных с доисторических времен индоевропейским племенам Европы, по ряду соображений наше внимание привлекают, собственно, два. Это название *репы* (*Brassica napus* и *Brassica rapa* L.) и *мака* (*Papaver somniferum* L.). Круг соответствий обоих названий известен давно и с исчерпывающей полнотой приводится во всех, без исключения, этимологических словарях: I. греч. *ῥάπος*, *ῥάπιος* ‘репа’, *ῥάφανος*, *ῥάφανη* ‘редька’, атт. ‘капуста’, др.-в.-нем. *ruoba*, *raba*, лит. *rópė*, русск.-ц.-слав. *ръпа*¹¹; II. греч. *μήκων*, др. *μάκων*, др.-в.-нем. *māho*, *māgo*, ц.-слав. *макъ* (более позд-

⁷ Все значения даны по Хоопсу (J. Hoops. Указ. соч., стр. 344).

⁸ I. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, Lief. 4. Heidelberg, 1954, стр. 339.

⁹ Ср.: V. Hehn. Указ. соч., стр. 59 и сл.

¹⁰ К тому же Хоопс в стремлении доказать, что прародина индоевропейских племен находилась в Северной Германии, включая Данию, был пристрастен в истолковании лингвистического и археологического материала.

¹¹ Привлечение кимр. *erfin* ‘свекла’, брет. *irvin* ‘брюква’, восходящих к кельт. *arbino, затруднительно фонетически (см.: Walde—Pokorny, II⁴, стр. 341; Pokorny, Lief. 9, стр. 852; ср.: Hoops. Reall., IV, стр. 1). Однако есть и приверженцы исконного родства (см.: Fick, II⁴ стр. 19; Falk—Torg, II, стр. 908; Преображенский, II, стр. 236; Kluge¹⁷, стр. 610; Hofmann, II, стр. 295).

ние заимствования и остальные германские и славянские формы обоих названий намеренно помещены ниже).

При сопоставлении рядов соответствий прежде всего бросается в глаза своеобразие корневого вокализма, выразившееся в появлении по различным языкам то $\bar{a}$, то $\bar{e}$, что увлекает нас в одну из самых спорных проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков — проблему праязыковой принадлежности чередования $\bar{e} : \bar{a}$, на чем ниже мы будем вынуждены коротко остановиться.

Обзор этимологической литературы по интересующим нас названиям раскрывает далеко не ясную картину. Относительно первого названия (греч. ῥῆφῶς и пр.) часть этимологов, самая многочисленная, главным образом из-за фонетических трудностей истолкования несомненно родственных слов предпочитает видеть в них древнейшие заимствования, независимые или последовательные, из какого-то одного источника. Так, А. Фик объяснил славянские, литовские и германские формы заимствованием из латинского, в котором в свою очередь — из греческого¹². А. Г. Преображенский склонен предположить «скорее заимствования из какого-либо, вероятно, неиндоевропейского языка, независимые одно от другого»¹³. Близок к нему, видимо, Ф. Клюге¹⁴. В. Махек со свойственной ему прямолинейностью также предложил искать источник происхождения названий *репы*, как, впрочем, и *мака*, вместе с многими другими в неиндоевропейском субстрате¹⁵.

Ф. Шпехт, И. Гофман, М. Фасмер, Э. Френкель, Ю. Покорный без указания на первоначальный источник объявили название репы «культурным странствующим термином»¹⁶. Много раньше близкую точку зрения высказал Э. Бузак¹⁷.

Единственный, кто безоговорочно возводил все гнездо к индоевропейскому чередующемуся корню **rāp-* : **rēp-*, — это И. Хоопс¹⁸. А. Вальде, к которому он отсылает за доказательством существования «старого индоевропейского аблуата $\bar{a} : \bar{e}$ »,

¹² Fick, I⁴, стр. 530.

¹³ Преображенский, II, стр. 236.

¹⁴ Kluge¹⁷, стр. 610.

¹⁵ V. Machek. Quelques noms slaves de plantes. — LP, II, 1950, стр. 158; его же. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 57 и др. То же см.: Нолуб — Кореёну, стр. 322. Ср. точку зрения Э. Швицера и П. Шантрена, что греческие слова, вероятно, заимствованы из языков средиземноморской области (resp. средиземноморского неиндоевропейского субстрата. — Л. Г.) (см.: E. Schwyzer. Griechische Grammatik, Bd I. München, 1939, стр. 310; P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 118 и сл., 200).

¹⁶ F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 71 и сл.; Hofmann, II, стр. 295; Vasmer, II, стр. 512 и сл.; Fraenkel, Lief. 10, стр. 743; Pokorny, Lief. 9, стр. 852.

¹⁷ Boisacq, стр. 836.

¹⁸ Hoops. Real., IV, стр. 1.

выражается не столь категорично. Действительно, он считает аблаут *rēp- : *rāp- (: *rəp) явлением одного порядка с оппозицией лат. *cārus* : др.-инд. *cāru-h*, но тем не менее полагает, что с мнением А. Фика также следует считаться¹⁹.

О. Шрадер, А. Торп, Р. Траутман, А. Брюкнер воздерживаются от каких-либо комментариев по существу и ограничиваются приведением соответствий²⁰.

Суть всех разногласий удачно выражена в словаре А. Эрну и А. Мейе: «... отсутствие протезы в греч. ῥάπις и ῥάφος 'репа', ῥάφατος, ῥάφάνη 'редька' и ѣ в ст.-слав. *rěpa* мешают нам видеть здесь древнее индоевропейское слово, как можно бы предположить это, исходя из др.-в.-нем. *ruoba* 'репа' и лит. *rōpė*. В каком родстве находятся эти слова, не установлено»²¹.

Почти такое же разнообразие мнений и в литературе о названии *мака* (греч. μῆκων и пр.), с той лишь разницей, что некоторые из рассматривающих это название в качестве заимствования (Hellquist, Bd II, стр. 1304; Vasmer, Bd II, стр. 89) указывают возможный источник его возникновения — средиземноморскую область. Э. Бузак, А. Г. Преображенский отмечают средиземноморское происхождение только растения²². Близок к ним А. Торп²³. И. Гофман считает «странствующим термином» неизвестного происхождения²⁴.

Воздерживаются от каких-либо высказываний по поводу происхождения А. Брюкнер, А. Вальде, Ю. Покорный²⁵. И. Хоопс на этот раз выражается неопределенно, говоря о «старом названии»²⁶. Методологически интересна точка зрения Ф. Клюге, предполагающего, что индоевропейцы непосредственно в Средиземноморье познакомились с растением и распространили на

¹⁹ Walde, стр. 641. — Мысль об исконном родстве, но в уже более робкой форме, повторена А. Вальде в его сравнительном словаре с совершенно невероятным обоснованием мены ā(: ā) : ē в этих корнях (Walde—Pokorny, II, стр. 341).

²⁰ Schrader, Reall., стр. 441; Торп, стр. 347; Trautmann, стр. 237; Brückner, стр. 475. См. также: A. Sabaliauskas. Dėl baltų kalbų ropės pavadinimų kilmės. — LTMD, стр. 207 и сл. (резюме на русском языке).

²¹ Ernout—Meillet, II³, стр. 996 и сл. — Следует признать безуспешной попытку А. Карнуа свести греч. ῥάπις (Гесихий), ῥάφος и пр. к и.-е. корню *uer-p-, с дублетом *uer-b-, легшего в основу многих названий растений (см.: Walde—Pokorny, I, стр. 275 и сл.); начальное *μ* для греческих слов он восстанавливает по якобы существовавшему варианту *Fóρπις, которое он извлек из произвольно читаемой им глоссы Гесихия γοράπις (А. Сагноу. Указ. соч., стр. 230 и сл.).

²² Boisacq, стр. 632; Преображенский, I, стр. 504.

²³ Торп, стр. 303.

²⁴ Hofmann, II, стр. 199.

²⁵ Brückner, стр. 318; Walde—Pokorny, II, стр. 225; Pokorny, Lief. 8, стр. 698. Ср.: А. Сабалиускас. О происхождении названия *мака* в балтийских языках. — КСИС, № 28, 1960, стр. 70 и сл.

²⁶ Hoops, Reall., III, стр. 233 и сл.

него по сходству маковой головки с мешочком индоевропейский корень **mak-* 'кожаная сумка', лежащий в основе лит. *mākas*, *maks*, ст.-слав. *мошна* 'мешок, сумка'²⁷. К последнему мнению примыкает неудачная с фонетической и семантической стороны индоевропейская этимология И. Левенталя, пытавшегося реконструировать для этого названия и-е. праформу **maik^h-ako-s*, **maik^heko-s*²⁸. Таким образом, в приведенной нами литературе не только нет единства, но не содержится и достаточно обоснованного суждения.

Однако следует все же несколько задержаться на возможности трактовки наших названий как слов, непосредственно развившихся из каких-то корней периода индоевропейской общности. Очевидно, что любая реконструкция такого типа должна основываться на признании праязыкового характера аблаута $\bar{e} : \bar{a}$ (: $\bar{a}$). Естественно, в статье, посвященной такому частному и сугубо этимологическому вопросу, не место для подробного обсуждения столь спорной проблемы.

Как мы уже видели, в этимологической литературе, не считая И. Левенталя, только А. Вальде и И. Хоопс, анализируя названия *репы*, стремятся опереться на этот аблаут. К ним нужно присовокупить еще Х. Петерссона, собравшего в небольшой этимологической заметке о лат. *paris* около 20 примеров, в том числе и оба наших названия, в которых без какого-либо теоретического обоснования он видит проявление индоевропейского аблаута $\bar{a} : \bar{e}$ ²⁹. Осторожность этимологов станет вполне понятна, если учесть, что большинство ученых, занимающихся проблемами сравнительной грамматики индоевропейских языков, не признают такого чередования, например Г. Хирт, специально останавливающийся на этом вопросе, и Френкель, полагающий, что «не следует считаться с сомнительным чередованием $\bar{e} : \bar{a}$, иногда появляющимся в индоевропейском рядом с обычным $\bar{e} : \bar{o}$ »³⁰. Видимо, симптоматично почти полное несоответствие небольших списков слов, приводимых Х. Педерсеном, Х. Петерссоном, Я. Эндзелином, а также Ф. де Соссюром, стремящимися тем или иным способом доказать общеевропей-

²⁷ Kluge 17, стр. 483.

²⁸ J. Loewenthal. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh. 37, 1920, стр. 381; ср.: A. Pott. De Borusso-Lithuanicae, tam in Slavicis quam Letticis principatu commentatio, II. Halis Saxonum, 1841, стр. 26. — Без всяких доказательств Э. Бернекер полагает возможным видеть в названии *мака* исконно индоевропейское слово (Erbwort) (Berneker, II, стр. 9). Там же см. о других безуспешных попытках индоевропейской этимологии на почве греческого языка.

²⁹ H. Petersson. Griechische und lateinische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 31 и сл.

³⁰ H. Hirt. Die indogermanische Grammatik, Bd II. Heidelberg, 1921, стр. 183 и сл.; E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, стр. 78; ср.: Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 96.

ский характер чередования $\bar{e} : \bar{a}$ ³¹. С другой стороны, в этих списках набор примеров настолько случаен с формальной и семантической стороны, что совершенно невозможно представить, какую функциональную роль в индоевропейском играла оппозиция $\bar{e} : \bar{a}$ по сравнению с широко представленным морфологическим аблаутом $\bar{e} : \bar{o}$. Между прочим, Я. Эндзелину показали достоверными во всех предшествующих работах только семь примеров. Если из них удались два: лит. *vokas*: ст.-слав. *вѣко*; лтш. *ātrs*, лит. диал. *ātrus*: др.-в.-нем. *atar*, где качество и количество корневого гласного могло быть результатом известных фонетических процессов в области вокализма, свойственных балтийским языкам, как, впрочем, и славянским³², затем отбросить еще два: лат. *flavus*: др.-в.-нем. *blāo*; лат. *nāvus*: др.-исл. *knár*, вокализм которых А. Мартине блестяще объяснил как рефлексы неапофонического *o, возведя первую пару к и.-е. **bhleA^w-o-*, вторую — к и.-е. **gneA^w-³³*, то останется всего три примера: лит. *róþé*, лат. *rāpa*: русск.-ц.-слав. *рѣпа*, др.-в.-нем. *rāba*; лат. *cārus* (лтш. *kārs?*): др.-инд. *cāruḥ*; лат. *jānuā* (лтш. *jāt*, лит. *jóti*): ср.-в.-нем. *jān*. Из этих трех лит. *róþé* и пр. снимется изложенным ниже, а два оставшихся сопоставления весьма проблематичны³⁴. Таким образом, проблема индоевропейского аблаута $\bar{e} : \bar{a}$ скорее получает отрицательное освещение, поскольку все попытки доказать его праязыковую принадлежность пока еще малоубедительны³⁵.

³¹ Н. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ, 38, стр. 404 и сл.; Н. Petersson. Указ. соч.; J. Endzelin. Le. nākt: li. nōkti: got. nēh, und der Wechsel von $\bar{e}$ und $\bar{a}$. — KZ, 62, 1934, стр. 25 и сл.; F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes. Leipsick, 1879, стр. 143 и сл., где с позиций его «сонатической» теории случаи варьирования между $\bar{e}$ и $\bar{a}$ в европейских языках объясняются относительно поздним процессом стяжения *eA* (*A* — один из двух «сонатических коэффициентов»).

³² См.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Lyon—Paris, 1950, стр. 112; t. II. Paris, 1958, стр. 609. — Е. Курилович также считает, что чередование $\bar{e} : \bar{a}$ вместо $\bar{e} : \bar{o}$, наблюдаемое в балтийских и славянских языках — балто-славянская диалектная инновация (J. Kuryłowicz. L'arophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 210, 217 и др. Ср.: J. Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922, стр. 59 и сл.).

³³ А. Martinet. Économie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 220 и сл. Ср. еще: Н. Hirt. Указ. соч., стр. 184: предполагается, что и.-е. *ev развилось в лат. *av*; Ernout—Meillet, I³, стр. 239.

³⁴ О древнеиндийской параллели лат. *cārus* см.: Maughofer, Lief. 3, стр. 159; ср. Lief. 6, стр. 384. — Из этимологов, кажется, только Ф. Клюге сопоставляет ср.-в.-нем. *jan* с лат. *jānus* и пр. (Kluge¹⁷, стр. 329). См.: Walde, стр. 374; Ernout—Meillet, I⁴, стр. 305; Fraenkel, Lief. 3, стр. 195 и др.

³⁵ К сожалению, ларингалисты, от которых можно бы ожидать особого интереса к данному вопросу, обходят его молчанием, хотя еще Ф. де Соссюр (указ. соч.) пытался найти объяснение этому «удивительному» явлению. Между прочим, в качестве примера Соссюр привлекает

Учитывая сказанное, нам представляется самым целесообразным согласиться с мнением большинства этимологов и предположить, что оба ряда анализируемых названий — древнейшие заимствования. С другой стороны, у нас нет никаких веских оснований считать какое-либо из засвидетельствованных слов первичным, послужившим источником для остальных родственных слов.

Лингвистические, археологические и палеоботанические данные побуждают нас искать первоначальную форму и источник этих названий вне круга исторически засвидетельствованных и письменно сохранившихся индоевропейских языков, что отнюдь не исключает их возможного индоевропейского происхождения³⁶. Передвижение начала распада индоевропейской общности к значительно более древнему периоду, чем середина или конец III тысячелетия до н. э., как это предполагалось ранее, успехи последних десятилетий по восстановлению древнейших утраченных индоевропейских языков Европы (иллирийского, пеласгского, фракийского и некоторых других) с фонетической системой своеобразной, но сводимой к индоевропейской, и признание в связи с этим европейского языкового субстрата в большей части также индоевропейским, включая Балканы и восточное Средиземноморье³⁷, открывает новые перспективы в истолковании многих загадочных названий из области ономастики и апеллативов, относимых обычно к неиндоевропейскому субстрату лишь в силу своей затемненности.

Только теперь мы в состоянии перейти к позитивной части, вполне сознавая, что здесь не может быть какого-либо однозначного решения и что цель подобной работы заключается не в поисках первоначального значения (этимона) — такие слова, как и «первичные вокабулы», часто не имеют этимологии в обычном смысле, — но в уточнении истории названий и связанных с этим выводов лингво-географического порядка.

Во избежание нареканий в предвзятости и априоризме обратимся прежде к чисто лингвистическим ресурсам. В этом плане особый интерес представляет приведенный выше ряд родственных слов, обозначающих *репу*, содержащий такие аномальные,

---

греч. *ράχων*, ц.-слав. *макъ*: др.-в.-нем. *tago*. Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Рец. на сб. «Evidence for laryngeals». — ВЯ, 1961, № 6, стр. 1922.

³⁶ Хотя и на этом уровне есть слова, несомненно послужившие материалом для заимствования в другие языки: на базе лат. *gāra* образовано нидерл. *gaar*, англ. *gore*; лит. *aguonà* — из германского и т. д.

³⁷ См.: В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958 (там же основная литература); V. I. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961, стр. 52; ср.: A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 17 и сл.; J. Mellaart. The end of the bronze age in Anatolia and the Aegean. «American Journal of Archeology», vol. 62, № 1, 1958, стр. 9 сл.

с точки зрения сравнительной грамматики греческого языка, формы, как $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\upsilon\varsigma$, $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\alpha\nu\omicron\varsigma$. Уже отсутствие протезы послужило для Э. Швицера, А. Эрну и А. Мейе (указ. соч.) достаточным условием, чтобы допустить негреческое происхождение данных слов. Действительно, в греческом языке имеется очень незначительное число глаголов с начальным $\acute{\rho}$, соответствующим r других индоевропейских языков. Как правило, начальное $\acute{\rho}$ глухое возникает из упрощения групп согласных $*sr$ и $*mr$ или по аналогии со словами, имеющими его из $*sr$ ³⁸. В то же время начальное $\acute{\rho}$ вместо исконного r встречается в несомненно иноязычных словах, например: семит. $\acute{\rho}\omega$, $\acute{\rho}\alpha\beta\beta\alpha\text{-}\tau\acute{\alpha}\mu\mu\alpha\nu\alpha$, егип. $\acute{\rho}\acute{\omega}\psi$, $\acute{\rho}\alpha\chi\acute{\omega}\tau\iota\varsigma$, ир. $\acute{\rho}\acute{\alpha}$, кельт. $\acute{\rho}\eta\nu\omicron\varsigma$, лат. $\acute{\rho}\acute{\alpha}\iota\delta\eta$, фрак. $\acute{\rho}\alpha\sigma\chi\omicron\upsilon\pi\omicron\rho\iota\varsigma$, $\acute{\rho}\eta\varsigma\omicron\varsigma$ и др.³⁹

Вторая особенность приведенных греческих названий — глухой взрывной придыхательный ϕ (ph), который в греческом может восходить, за вычетом нескольких редких примеров, только к и.-е. $*bh$ ⁴⁰. Это может найти вполне удовлетворительное объяснение, если предположить, что греч. $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\upsilon\varsigma$, $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\alpha\nu\omicron\varsigma$, $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\acute{\alpha}\nu\eta$ и пр. заимствованы из языка, осуществившего передвижение согласных, как в германских и армянском⁴¹. Таким языком мог быть пеласгский (особый догреческий индоевропейский язык)⁴² или фракийский⁴³. Первый составлял основной компонент индоевропейского субстрата средиземноморской части Балканского п-ова, второй — восточной. При этом фонетические системы обоих языков настолько идентичны, что некоторые склонны

³⁸ См.: M. Lejeune. *Traité de phonétique grecque*. Paris, 1947, стр. 127.

³⁹ E. Schwyzer. Указ. соч., т. I, стр. 310.

⁴⁰ См.: E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 297 и сл.; M. Lejeune. Указ. соч., стр. 23 и сл.; M. Grammont. *Phonétique du grec ancien*. Lyon, 1948, стр. 169 и сл.

⁴¹ Впервые греч. $\acute{\rho}\acute{\alpha}\phi\upsilon\varsigma$ и пр. квалифицировал как заимствование из догреческого В. Георгиев (Vl. Georgiev. *Die Träger der Kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache*. «Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, т. XXIII, кн. 4, 1937, стр. 105; его же. *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief I. Sofia, 1941, стр. 97).

⁴² О пеласгском языке см.: Vl. Georgiev. *Vorgriechische Sprachwissenschaft*; A. J. van Windekens. *Le pélasgique*. Louvain, 1952; W. Merlingen. *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*. Wien, 1955; O. Haas. *Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland*. «Балканско езиковзнание», I. София, 1959, стр. 29 и сл. Библиографию более мелких работ (до 1958 г. включительно) см. в статье: Л. А. Гиндин. Обзор литературы по «пеласгскому» языку. — ВЯ, 1959, № 5, стр. 105 и сл.

⁴³ Здесь имеется в виду подлинно фракийский язык древнейшего населения восточной части Балканского п-ова к югу от Дуная; с ним задолго до нашей эры смешались сначала дако-мизийцы, а позднее армяно-фригийские племена (см.: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 137, 145). О фракийском языке см.: Д. Дечев. *Характеристика на тракийския език*. София, 1952; D. Detschew. *Die thrakische Sprachreste*. Wien, 1957; В. И. Георгиев. Указ. соч., глава «Фракийский язык», стр. 112 и сл.

видеть в них диалекты одного фрако-пеласгского языка⁴⁴. Таким образом, исходя из греческого материала, можно реконструировать две пеласгские (геср. фрако-пеласгские) основы: **raph-u-* и **raph-a-*, что позволяет нам опуститься ступенью ниже всех исторически засвидетельствованных в индоевропейских языках родственных названий *репы*⁴⁵. Основы на *-u-* и *-a-* (применительно к данному случаю *-a-no-*) относительно широко представлены в пеласгском, например: *ἄστυ* 'город' (Vl. Georgiev. *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief. I, стр. 80), *σίκω-ς* 'огурец' (там же, стр. 101), *ὄλο-νθη* 'дикое фиговое дерево', *ἄλυ-νθος* 'поздняя, обычно не вызревающая фи́га' (там же, стр. 94), *θῆλυ-μνα* (τά) 'основания, начала' (там же, стр. 85), *βάσκα-νος* 'завистник' (там же, стр. 81), *κλίβανος* 'посуда (приспособление) для выпечки пирогов' (там же, стр. 89) и т. д.⁴⁶

Сложнее обстоит дело с реконструкцией первоначальной формы для латинских, славянских, литовских и германских названий, которые, показывая удивительное единство консонантизма, акцентно-интонационных отношений и характера основы, вместе с тем не дают возможности судить о качестве второго согласного исходной формы так же определенно, как греческие названия, поскольку в этих языках отсутствует ряд глухих аспи́рат и они должны были при заимствовании одинаково отражать и *ph*, и *p*. Обратимся в связи с этим к рассмотрению вокализма в надежде, что именно в его своеобразии заключена дополнительная информация для реконструкции праформы и определения эпицентра распространения этого культурного термина.

Варьирование корневого гласного $\bar{a} : \bar{e}$ (лат. $\bar{a}$, греч. $\bar{a}$, лит. $\bar{o} < * \bar{a}$, др.-в.-нем. $uo < * \bar{a}$ и $\bar{a} < * \bar{e}$, слав. $\bar{e}$) в несомненно родственных словах, при невозможности объяснить его посредством индоевропейского аблаута, вынуждает нас предположить, что это явление — результат двойственной трактовки в процессе заимствования широкого открытого корневого гласного исходной формы, бывшего чем-то средним между $\bar{a}$ и $\bar{e}$. Такой гласный, обозначим его вслед за М. Леженом через $\bar{d}$, представлен в гре-

⁴⁴ См.: A. J. van Windekens. *Contributions à l'étude de l'onomatopée pélasgique*. Louvain, 1954, стр. 25; его же. *Le nom des Γιγαντες*. — BNF, Jg. VII, N. 1, стр. 60 и др.; В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 281. — А. Карнуа предпочитает называть язык греческого субстрата фрако-пеласгским (А. Сагноу. Указ. соч., стр. VII).

⁴⁵ Так как в греческом не отмечены случаи гармонической (неконтактной) диссимиляции по придыхательности $\rho - \varphi, - \theta, - \chi$ (E. Schwyzg. Указ. соч., стр. 212), то остается предположить, что деаспирация, отразившаяся в $\rho\acute{\alpha}\pi\omicron\varsigma$, носит, видимо, «народный» характер, изредка наблюдаемый особенно при заимствовании, ср. $\kappa\omicron\varphi\alpha\rho\acute{\iota}\sigma\tau\iota\sigma\iota\varsigma$: $\kappa\omicron\pi\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\sigma\alpha$, $\chi\rho\acute{\epsilon}\mu\omicron\varsigma$: $\kappa\rho\acute{\epsilon}\mu\omicron\varsigma$ (см.: P. Chantraine. Указ. соч., стр. 120).

⁴⁶ Об основах на *-u-* в догреческом ср.: А. Нейбек. Указ. соч., стр. 31 и сл.

ческих диалектах: как очень закрытое $\bar{a}$ он существовал в ионийско-аттическом и на письме изображался с помощью η [ср. ион.-атт. μήτηρ: дор. μάτηρ (из и.-е. *māter)] и как очень открытое $\bar{e}$ в элейском, где письменно фиксировался с помощью $\bar{a}$ [ср. элейск. πλάθουσα (на одной из надписей в Олимпии) при общегреческом πληθύω (из и.-е. **plē-*)]⁴⁷. Подобный звук $\bar{e}$ постулируют и для прагерманского⁴⁸. По всеобщему мнению, рефлекс и.-е. * $\bar{e}$ в праславянском до падения дифтонгов также имел характер широкого открытого гласного a ⁴⁹. Звук охарактеризованного типа (обстоятельство, особенно важное для нас) существовал, по всей вероятности, и во фракийском. Согласно Д. Дечеву, и.-е. * $\bar{a}$ и * $\bar{a}$ произносились во фракийском несколько более закрыто, с оттенком e , и поэтому они передаются то посредством α , то ϵ и η , например: Ζάλδ-απα, Ζέλδ-επα, Μούνδ-επα, Αἴ-ηπος, *Apsus* и пр. — второй компонент из и.-е. корня **ab-* 'вода, река', ср. лат. *amnis*, др.-ирл. *ab* 'река' (Walde — Pokorny, I, стр. 64); Δαλο-σακος, Σαχε-δαλλος, Δαλο-σηκος и пр., на основе и.-е. *kak 'мочь, помогать', ср. др.-инд. *ṣākā-* 'сильный, помощник', *ṣāka* 'сила, помощь' (там же, стр. 333)⁵⁰. Соответственно и.-е. * $\bar{e}$ и * $\bar{e}$ имели более открытое произношение и при этом могли подвергаться слабой иотации, что выразилось в передаче их знаками ϵ , η , α , $\iota\epsilon$, $\iota\alpha$, например: Βέσσοι, Βησσοί ($\eta = je$), Βίεσσοι из и.-е. **bhendh-so-*, ср. алб. *bese* 'договор, вера, перемирие', др.-ирл. *bes(s)* 'привычка, обычай' (там же, II, стр. 152); Ρῆσος, Ρησκού-πορις, Ράσκος, Ρασκού-πολις, Ρεσκου-πορις, из и.-е. **reg-*, ср. др.-инд. *raj-*, лат. *rex* и др. 'царь' (там же, стр. 363)⁵¹. Теперь, когда мы получили некоторые недостающие сведения относительно вокализма фракийской (resp. фрако-пеласгской) основы,

⁴⁷ См.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 127; М. Lejeune. Указ. соч., стр. 204 и сл.

⁴⁸ Э. Прокош. Указ. соч., стр. 95.

⁴⁹ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, T. 1. Göttingen, 1924, стр. 79 и сл.; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 39 и сл.; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 182 и сл. — А. Вайан считает, что «*e de la fin du slave commun était encore une diptongue *ea*» (A. Vaillant. Указ. соч., t. I, стр. 115); С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 175 и сл.

⁵⁰ Д. Дечев. Указ. соч., стр. 29.

⁵¹ Д. Дечев. Указ. соч., стр. 29 и сл. Ср.: И. М. Дьяконов. Хетты, фригийцы и армяне. «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 347 и сл. — Опираясь на исследования Д. Дечева, В. Мерлинген при толковании надписи на перстне из Езерова пришел к выводу, что и.-е. * $\bar{e}$ дифтонгизировалось во фракийском в *ea* (resp. $\bar{a}$) (W. Merlingen. Zur Sprache der thrakischen Ringinschrift. «Die Sprache», Bd VI, H. 2, 1960, стр. 190). В. Георгиев реконструировал $\bar{a}$ в качестве переходной ступени для дако-мизийского o : и.-е. * $\bar{e}$ > дак.-миз. $\bar{e}$ > $\bar{a}$ > $\bar{a}$ > o (см.: V. Georgiev. La toponymie ancienne..., стр. 8; его же. Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch, Die Herkunft der Albaner. «Балканско езиковна», II, 1960, стр. 6 и сл.).

послужившей, как нам кажется, исходной формой греч. *ῥάφος*, *ῥάφανος*, лат. *rāpa*, русск.-ц.-слав. *рѣпа*, лит. *rōpė*, др.-в.-нем. *ruoba*, *rāba*, появилась весьма реальная возможность реконструировать эту основу в виде *rāph-a-*, с дублетом *rāph-u-* (подробнее о долготах ниже).

Определенные факты и соображения как лингвистического, так и нелингвистического порядка косвенно, но достаточно веско свидетельствуют в пользу того, что экспансия исследуемого культурного странствующего термина началась с Балкан, из области, занятой фракийскими и пеласгскими племенами до проникновения на юг Балканского полуострова греков.

Известно, что в районе Балкан с древнейших времен существовали очаги высокой земледельческо-скотоводческой культуры. Так, к югу от Балканского хребта, в долине Вардара, и к северу, в долине Моравы, уже в III тысячелетии господствовало хозяйство бронзового (точнее, энеолитического) века. Природные условия Балкан оказались настолько благоприятными для развития хозяйства вардаро-моравского культурного комплекса, базировавшегося на оседлом земледелии в сочетании с разведением скота, охотой и рыболовством, что оно просуществовало почти без изменений вплоть до исторического времени. Богатые в материальном отношении земледельческо-скотоводческие культуры возникли в начале III тысячелетия также по нижнему течению Дуная в районах прекрасных черноземных почв Валахии, Добруджи и северо-восточной Болгарии⁵². Какие-то из земледельческо-скотоводческих культур Балканского п-ва, несомненно, принадлежали пеласгам и фракийским племенам, занимавшим обширные территории на Балканах и в Восточном Средиземноморье⁵³.

Напротив, у древних германцев еще в I в. н. э., когда о них сообщает Тацит, главную роль играло скотоводство в сочетании с примитивным переложным земледелием. По словам Цезаря, германцы «весьма мало питаются зерном, но большей частью молоком и мясом домашних животных» (*De bello Gallico*, IV,

---

⁵² См.: Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 129 и сл., 178 и сл. О высокой культуре земледелия в долине Дуная в начале III тысячелетия до н. э. (вторичный центр распространения земледелия после районов Азии) см.: J. Storck, W. D. Teague. *Flour for man's bread (A history of Milling)*. London, 1952, стр. 33 и сл.

⁵³ Вряд ли здесь целесообразно углубляться в пока еще довольно бесплодную дискуссию относительно этнической принадлежности тех или иных балканских культур; см. об этом: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 281 и сл.; V. I. Georgiev. *La toponymie ancienne...*, стр. 48 и сл.; Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук... 1955 года». М.—Л., 1956, стр. 27 и сл.; его же. Рец. на кн.: V. I. Georgiev. *La toponymie ancienne...* — ВЯ, 1962, № 1, стр. 130 и сл.

1); «земледелием они прилежно не занимаются, существенную часть их жизни составляет молоко, сыр и мясо» (там же, VI, 22). Образ жизни славян в первых веках нашей эры, видимо, мало чем отличался от образа жизни германцев⁵⁴.

Сообщения древних о жизни племен, населявших Европу севернее Альп в исторический период, вполне согласуются с археологической картиной жизни доисторической Европы. Севернее Альп и Карпат в неолитических и бронзовых слоях обнаружены остатки только зерновых: ячменя, пшеницы, проса, в то время как южнее найдены горох, бобы, семена мака, моркови, пастернака, лука⁵⁵. Очевидно, у исторически засвидетельствованных индоевропейских племен, населявших Центральную и Северную Европу в эпоху неолита, культура земледелия была весьма низкой и примитивной⁵⁶. Все, что, по Тациты, в I в. н. э. требовали германцы от земли, — это урожай зерна (Germania, 26). С незерновыми культурами, в частности с овощами, предполагающими сравнительно высокий уровень земледелия и большую интенсификацию труда, хотя бы потому, что репа, морковь, капуста дают семена на второй год, они познакомились позже и стали производить их, видимо, в начале железного века. Так, на территории современной Польши бобы, горох, чечевица, мак, репа (маслянистая) обнаружены только в гальштатском периоде (1000—500 лет до н. э.), в слоях лужицкой культуры⁵⁷.

Приведенные соображения наталкивают на мысль, что определенные из весьма немногочисленных в доисторический период незерновых культурных растений вместе с названиями могли проникать в Центральную и Северную Европу из областей, расположенных южнее, с более высоким уровнем земледелия, также заселенных, по крайней мере с III тысячелетия до н. э., по большей части индоевропейскими племенами (см. выше), среди которых значительный компонент составляли пеласги и фракийские племена. Возможно, как раз таков конкретный путь заимствования некоторых пеласгских и фракийских названий культурных растений северной группой индоевропейских языков (германский, балтийский, славянский), дольше других сохранявшей некое ареальное единство. Греки восприняли много названий растений, культурных и диких, уже при непосредственном общении с пеласгами и фракийцами в своем движении на юг Балканского п-ова и наслоении на

---

⁵⁴ А. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 308 и сл.

⁵⁵ J. Hoops. Waldbäume... стр. 277—309 и сл.

⁵⁶ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 98 и сл.

⁵⁷ Н. Burchardówna. Róśliny uprawne w pradziejach Polski. «Przegląd archeologiczny», t. IX, z. 2—3, 1951—1952, стр. 155 и сл.

догреческий субстрат. Италики, как предполагают, тоже соприкасались с пеласгами⁵⁸.

Так, установлено, что ряд названий весьма важных для греков растений и растительных продуктов имеет пеласгское или фрако-пеласгское происхождение, например: ἔλαιον 'оливковое масло', ἔλαια 'масличное дерево, олива', отсюда через лат. *olivum*, *oliva*, те же значения, в другие индоевропейские языки (Walde, стр. 538), ἐρέβινθος 'вид кормового гороха, Cicer orientinum (плод и растение)' (A. J. van Windekens. Le pélasgique, стр. 86 и сл.), ὄλυνθος 'поздняя обычно не вызревающая фи́га' (Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I, стр. 94; A. J. van Windekens. Le pélasgique, стр. 65), κηπάρισσος 'кипарис' (В. И. Георгиев. Исследования..., стр. 267 и сл.), σίτος 'пшеница, хлеб' (Vl. Georgiev. Vorgriechische..., стр. 102) и др. Для предполагаемой гипотезы особенно существенно, что в языках североиндоевропейской группы имеется два названия, возможно, заимствованные непосредственно из фракийского: это ц.-слав. **тыкы** 'тыква' (арм. *t'uz*, греч. σῆκον, лат. *figus* 'смоква, фи́га, инжир, винная ягода')⁵⁹ и название *ржи*: др.-в.-нем. *rogko*, др.-сакс. *roggo* (из герм. **roggan-*, **ruggn-*, **rug-n-*), др.-исл. *rugr*, лит. *rugỹs*, лтш. *rudzis*, др.-прусск. *rugis*, др.-русск. **ръжь**, первоисточник которых, видимо, следует искать во фрак. βρίζα⁶⁰, родственном др.-инд. *vr̥hi-h*, перс. *birinj* 'рис', греч. ὀρίνθος (ἄρτος) 'рисовый хлеб', ὄρυζα, ὄρυζον 'рис' (вероятно, иранское заимствование)⁶¹. В поддержку предположения о заимствовании анализируемых названий *репы* и в связи с историей названия *ржи* уместно сделать еще одно немаловажное наблюдение. Если сопоставить древние названия культурных растений, общие для западных и восточных индоевропейских языков, с названиями, встречающимися только в европейских языках, то нетрудно заметить, что названия первой группы метонимичны (т. е. родственные названия могут обозначать по разным языкам различные виды растений), в то же время названия второй группы строго обозначают один вид. Так,

⁵⁸ См.: A. J. van Windekens. Deux mots latins d'origine préitalique. «MNHME XAPIN, Gedenkschrift P. Kretschmer», II. Wien, 1957, стр. 213 и сл.; его же. Études sur le vocabulaire pré grec et pré latin. — LP, VI, 1957, стр. 9 и сл.; O. Haas. Das frühitalische Element. Wien, 1960, стр. 57 и сл.

⁵⁹ См.: Л. А. Гиндин. К этимологии ст.-слав. **тыкы**, др.-русск. **тыкъа**, **тыкъа**. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 82 и сл.

⁶⁰ G. Meyer. Zu den thrakischen Glossen. — BB, 20, стр. 120 и сл.; H. Hirt. Grammatisches und Etymologisches. — BB, 22, стр. 235 и сл.; Schrader. Reall., стр. 692 и сл.; O. Schrader. Die Indogermanen. Leipzig, 1911, стр. 28; ср.: Trautmann, стр. 246; Pokorny, Lief. 13, стр. 1183; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 87.

⁶¹ G. Meyer. Указ. соч., стр. 121.

в приведенный на стр. 53—54 ряд названий, родственных лит. *jāvas* 'семя', входят слова, обозначающие все три вида зерновых, культивируемых в неолите: *ячмень*, *пшеница*, *просо* и вообще *хлеб*, на корню или в зерне. Подобная метонимия обнаруживается и в названиях родственных греч. *πυρός* 'пшеница', кимр. *haidd* 'ячмень', лит. *dūona* 'хлеб', ср.-н.-нем. *terwe* 'пшеница'. Тогда как названия, родственные греч. *λίνον*, *ράπος*, *μήκων*, лат. *faba*, значат соответственно только 'лен', 'репа'⁶², 'мак', 'боб'. К сожалению, мы не в состоянии здесь подробно анализировать весьма поучительную таблицу, приводимую И. Хоопсом («Waldbäume...», стр. 344 и сл., 349 и сл.), но и сказанное позволяет предположить, что названия первой группы скорее всего восходят к индоевропейским корням периода диалектной общности, когда они могли обозначать зерно диких злаковых растений или сами растения, и лишь позднее, в процессе расселения индоевропейцев, произошел перенос с диких на разные виды культурных злаков в каждом диалекте самостоятельно. Принципиально по-иному, должно быть, сложилась судьба второй группы названий. Обозначая какую-то определенную культуру в одном из уже обособившихся индоевропейских языков, засвидетельствованных исторически или утраченных, название вместе с реалией распространялось в другие языки, и поэтому метонимии, как правило, не происходило. Показательна в этом смысле история названия *ржи*. Фрак. *βρίζα* 'рожь' и др.-инд. *vṛīhi-h* 'рис' — видимо, результат метонимии индоевропейского корня эпохи общности, так как известно относительно позднее возникновение культуры ржи⁶³, с культурой же риса, не выходящей за пределы Азии до VII в. н. э.⁶⁴, индоиранцы могли познакомиться лишь в местах теперешнего обитания. Такое позднее распространение ржи на север и северо-восток Европы с возможным эпицентром во Фракии⁶⁵ обусловило, с другой стороны, проникновение в языки северноиндо-

⁶² Перенос названия с репы на редьку и в аттическом диалекте на капусту (греч. *ράφανος*, *ῥάφανη* — Liddell—Scott, стр. 1566) осуществился, видимо, уже на почве греческого языка, так как у греков репа особой популярностью не пользовалась (Schradeg. Reall., стр. 442): ср. болг. *ряпица*, *ряличка*, 'редька, *Raphanus sativus* L.' («Материали за български ботаничен речник», ред. Б. Ахтаров. София, 1939, стр. 260, 501), с.-хорв. *бела репа* 'свекла, *Beta vulgaris rapacea alba*' и др. (Д. Симоновић. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 69, 648); чеш. *řepa* 'свекла, *Beta*' («Příruční slovník jazyka českého», Díl. IV, část. 2. Praha, 1944—1948, стр. 1141).

⁶³ A. de Candolle. Указ. соч., стр. 468 и сл.; Schradeg. Reall., стр. 692 и сл.; П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 104; Hoops. Reall., III, стр. 509.

⁶⁴ В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1938, стр. 54; П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 140.

⁶⁵ A. de Candolle. Указ. соч., стр. 468 и сл.; G. Meuser. Указ. соч., стр. 121.

европейской группы названия *ржи* вместе с реальией, вероятно из фракийского, без отклонений в значении.

Таким образом, имеется, как нам кажется, довольно много аргументов в пользу фрако-пеласгского происхождения рассматриваемых названий *репы*, тем более, если учесть, что репа начала разводиться в Европе значительно позже ячменя, пшеницы и проса. Семена репы совсем не обнаружены в неолитических слоях⁶⁶, а в бронзовом веке (среднем и позднем) найдены единственно в швейцарских свайных постройках⁶⁷. Однако, типичное растение умеренного климата Европы⁶⁸, репа в железный век получила повсеместное распространение и стала играть в качестве продукта питания в Центральной, Северной и Северо-Восточной Европе такую же роль, как через две тысячи лет картофель. Плиний Старший, например, говоря о великолепных свойствах репы, сообщает, что у транспаданских галлов она третий после винограда и хлеба плод (*Naturalis historia*, XVIII, 13, 34). Значение репы в древней Руси и у германцев в каролингский период и позже общеизвестно⁶⁹.

Позднее появление репы в качестве культурного растения служит веским подтверждением мысли о том, что ее названия не могут непосредственно восходить к общеиндоевропейскому периоду, так как ко времени распространения репы уже произошло обособление большинства индоевропейских языков, вследствие чего вариации в вокализме исследуемых названий нельзя объяснять посредством индоевропейского аблаута. Если же принять во внимание и другую а priori существующую возможность возведения данных названий к индоевропейскому, заключающаяся в том, что на культурную репу было перенесено название какого-то похожего дикого растения (дикие предки репы пока будто бы не обнаружены)⁷⁰, то неясно, почему это название во всех индоевропейских языках, где оно встречается, обозначает только репу, хотя индоевропейские племена могли познакомиться с ней лишь в период обособленной жизни.

И, наконец, последнее, что увеличивает вероятность нашего предположения о распространении культуры репы с Балкан. В армянском языке имеется слово *niv* со значением, полностью совпадающим с лат. *parus* 'брюква'⁷¹, давшим второй ряд

⁶⁶ Schrader. Reall., стр. 441 и сл.; J. Hoops. Waldbäume..., стр. 330.

⁶⁷ Hoops. Reall., IV, стр. I; Schrader—Nehering. Reall., I, стр. 612.

⁶⁸ A. de Candolle. Указ. соч., стр. 48; ср.: В. Л. Комаров. Указ. соч., стр. 118 и сл.

⁶⁹ «История культуры древней Руси», I. М.—Л., 1948, стр. 64, 67.

⁷⁰ A. de Candolle. Указ. соч., стр. 46; В. Л. Комаров. Указ. соч., стр. 119.

⁷¹ См.: Н. Petersson. Указ. соч., стр. 31.

родственных названий вида *Brassica* в индоевропейских языках Западной Европы и не получившим еще удовлетворительной этимологии⁷². Не берясь судить здесь о правомочности сопоставления латинского слова с этимологически также неясным греч. атт. *ῥάπυ*, ион. *σίνηπι*, эллин. *σίναπυ*, *σίναπι* 'горчица'⁷³, заметим, что консонантизм латинского и армянского слов при известных допущениях не мешает их сближению и постулированию общей праформы. Так как армянский язык некоторые исследователи относят к фрако-фригийской ветви⁷⁴ (во всяком случае признается, что в словарном составе армянского языка существует значительный фракийский компонент)⁷⁵, не предполагаем ли мы возможностью вывести лат. *nāpūs* и арм. *niv* из фракийского (resp. фрако-пеласг.) *nāp-u-* или *nāph-u-*, объяснив варьирование корневого гласного засвидетельствованных форм теми же причинами, что и в предыдущем названии? При этом арм. *i* из *ē (resp. фрак. *ā*), арм. *v* в интервокальном положении из *r или *rh с предшествующей деаспирацией, как во всех языках, не имеющих ряда глухих придыхательных.

Итак, все рассмотренные нами родственные названия вида *Brassica* *gara* L. — греч. *ῥάφος* (*ῥάπυς*), *ῥάφανος*, *ῥάφάνη*; лат. *rāpa*, *rāpūt*; русск.-ц.-слав. *рѣпа*, укр. *рiна*, болг. *рѣпа*, с.-хорв. *рѣпа*, словен. *гѣра*, чеш. *řira*, словц. *гера*, польск. *rzepa*, в.-луж., н.-луж. *гѣра*, полаб. *гербѣ*; лит. *рѣрѣ*; др.-в.-нем. *ruoba*, *ruoppa* (< герм. **rōbjō-*), ср.-в.-нем. *ruobe*, *rüebe* и пр., др.-в.-нем. *rāba* (< герм. **rēbjō-*), ср.-в.-нем. *rabe*, швейц. нем. *rāb(e)* и пр.⁷⁶; нидер. *raap*, англ. *rope* (заимствование из латинского)⁷⁷; алб. *герѣ* (заимствование из латинского или славянских языков)⁷⁸ — представляют собой разновременные, но по большей части непосредственные заимствования из фракийского (resp. фракопеласгского) языка, с носителями которого так или иначе соприкасались и вступали в языковые контакты древние греки, италики, славяне, литовцы и германцы⁷⁹. Из только что приведенных особый интерес и известные трудности в интерпретации имеют германские названия, содержащие обе возможные корневые огласовки — *ā и *ē, а также консонантизм, позволяющий сделать некоторые предположения относительно места ударения в исходной форме. По всей вероятности, два ряда форм — следствие разновременного, различными путями произо-

⁷² См.: Walde, стр. 507.

⁷³ См.: Boisacq, стр. 657; ср.: A. Carnou. Указ. соч., стр. 245.

⁷⁴ В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 141 и сл.; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 366 и др.

⁷⁵ См.: A. Meillet. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. Wienne, 1936, стр. 11.

⁷⁶ Об остальных германских формах см.: Kluge¹⁷, стр. 610.

⁷⁷ Торгр, стр. 347; Pokorny, Lief. 9, стр. 852.

⁷⁸ Meyer, стр. 363; Pokorny, Lief. 9, стр. 852 и др.

⁷⁹ Ср.: A. J. van Windekens. *Le pélasgique*, стр. 153.

шедшего проникновения фракийского слова в германский. Не исключено появление др.-в.-нем. *rāba* и пр. позже, при романском посредстве⁸⁰, на что, возможно, указывает несомненно латинское происхождение нидерландского и английского слов. Однако *b* в др.-в.-нем. *ruoba*, которое, по-видимому, восходит непосредственно к фракийскому, должно быть объяснено действием закона Вернера, на основе чего можно предположить во фракийском (resp. фрако-пеласг.) слове окситонезу⁸¹. В таком случае славянский и литовский осуществили редессию, и ударение передвинулось на второй слог от конца [ср. др.-инд. *grīvā* : праслав. *grīva (с.-хорв. *grīva*, русск. *grīva*), лтш. *grīva*; греч. *θύρως* : праслав. *dŭmъ (с.-хорв. *dŭm*, русск. *дѣм*), лит. *dŭmai*, лтш. *dŭmi*; греч. род. п. ед. *μητρὸς*, др.-инд. *mātā*: праслав. *māti (с.-хорв. *māti*, *mātere*, русск. *мать*, *māteri*), лит. *mōte*, лтш. *māte*]. Греческие слова, регулярно проводящие баритонезу, как будто противоречат этому⁸², но не отражает ли греческий происшедшей с течением времени уже во фракийском оттяжки ударения на первый слог, что могло быть вызвано предполагаемой утратой долгот во фракийском языке⁸³? Кстати, в греческих словах корневой слог краток в противоположность его долготе в родственных словах за пределами греческого языка.

В данном случае трудно сказать что-либо определенное из-за скудости наших сведений о фракийском. К тому же различное место ударения во фракийском названии, послужившем исходным материалом для реально засвидетельствованных слов, могло носить диалектный характер⁸⁴.

Название *мака* (Paraver somniferum L.) — греч. *μήκων*, др. *μάκων*; ц.-слав. *макъ*, русск., укр., болг. *мак*, с.-хорв. *мак*, словен. *māk*, чеш. *māk*, словц., в.-луж., н.-луж. *mak*; др.-в.-нем., др.-сакс. *māho*, ср.-в.-нем. *māhen*, *mān* (< герм. *mēhan), др.-в.-

⁸⁰ См.: То гр, стр. 347; Falk — Topf, II, стр. 908; ср.: Walde — Pokorny, II, 341. — Ю. Покорный категорически возражает (Pokorny, Lief. 9, стр. 852).

⁸¹ Ср.: J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1958, стр. 200.

⁸² Греческий язык обычно сохраняет место ударения в индоевропейском, если оно падало на один из трех последних слогов (M. Grammont. Указ. соч., стр. 391 и сл.; ср.: Н. Hirt. Indogermanische Grammatik, V. Der Akzent. Heidelberg, 1929, стр. 45).

⁸³ Д. Дечев. Характеристика..., стр. 28; В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 123. — Ср. попытку Е. Куриловича объяснить передвижение ударения в литовском на конечный слог в определенных условиях («закон де Соссюра») сокращением некоторых литовских окончаний (J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 205 и сл.).

⁸⁴ Ср. несоответствия по месту ударения: греч. *κρέας* : др.-инд. *kravīs* : греч. *κόρυς* : др.-инд. *sankhās*, греч. *πέδον* : др.-инд. *padām*, греч. *πάρος* : др.-инд. *purās* и особенно греч. *πότερος* : др.-инд. *katarās* при гот. *haþar*. Все примеры взяты у Г. Хирта (Н. Hirt. Указ. соч., стр. 48 и сл.).

-нем. *māgo*, ср.-в.-нем. *māge* (< герм. *māgan или *mēgan*?⁸⁵) — с формально фонетической стороны с меньшей определенностью, чем рассмотренное название *peny*, может быть выведено из фракийского, поскольку консонантизм его форм более нейтрален и не содержит таких однозначных характеристик, как глухой придыхательный; варьирование в вокализме корневого гласного также представлено уже. Но вместе с тем ничто и не препятствует предположить в качестве исходной формы заимствования фракийскую (resp. фрако-пеласг.) основу *māk^h-o-* (о-основа восстанавливается с известными допущениями) — налицо элемент варьирования *ā* и *ē*; *x* в греческих словах не противоречит фрак. *k^h*, так как во фракийском, по-видимому, глухие аспираты произносились с меньшей интенсивностью, почему фрак. *p^h, t^h, k^h* передавались в одном и том же слове то через *φ, θ, χ*, то через *π, τ, κ*, например: *Κύψαλα*, *Chypsala* < и.-е. **geu-p-* 'загиб, свод, впадина', ср. др.-инд. *kūpa-* 'яма, пещера' (Walde — Pokorny, I, стр. 371); *Ζι-μαρχος*, *Zi-marcus* < и.-е. **marko-* 'лошадь', ср. ирл. *marc*, др.-в.-нем. *marah*, то же значение (там же, II, 235)⁸⁶.

Как и в первом названии, с наибольшими трудностями сопряжена интерпретация германских форм. Так называемое грамматическое чередование *h : g* по закону Вернера предполагает разноместное ударение в исходной форме. При этом окситонеза в герм. *māgan < фрак. (resp. фрако-пеласг.) *māk^h* в отличие от герм. *māhan, греч. дор. *μάχων*, ц.-слав. *макъ*, фрак. (resp. фрако-пеласг.) *māk^h* напоминает различие между греч. *ῥᾶφος* < фрак. (resp. фрако-пеласг.) *rāph^h* и др.-в.-нем. *ruoba* < фрак. (resp. фрако-пеласг.) *rāph-*, только с противоположным соотношением долготы и места ударения (в первом случае накоренное ударение сопряжено с долгой гласной, а во втором — с краткостью). Однако это предположение нуждается в дополнительных обоснованиях, которыми мы пока не располагаем. Вполне возможно, что чередование *h : g* — результат каких-то специфических германских процессов, и тогда формы с кратким корневым гласным и звонким веларным — вторичны⁸⁷.

Определенный интерес вызывают факты балтийских языков, территориально дальше других отстоявших от ареала фракийских племен. В них наблюдаются позднейшие заимствования на уровне исторически засвидетельствованных языков: лит.

⁸⁵ Полный список германских форм см.: Ноорс. Reall., III, стр. 234. — Попутно отметим неточность: А. Торп, Э. Бузак, И. Гофман и некоторые другие дают др.-в.-нем. *mago* и пр. с долгой (см.: Торп, стр. 303; Boisacq, стр. 632; Hofmann, II, стр. 199).

⁸⁶ Д. Дечев. Указ. соч., стр. 6; ср.: В. И. Георгиев. Указ. соч., стр. 123; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 347.

⁸⁷ Ср.: Ноорс. Reall., III, стр. 234, где под вопросом дается для *māgo* и пр. германская праформа **mazan-* < **mēzan-*.

могионѣ, агионѣ заимствованы из германских, др.-прусск. *моке*— из славянских⁸⁸.

При некоторой гадательности нашей реконструкции с формальной стороны, исторические, археологические и палеоботанические данные единодушно свидетельствуют о южном, относительно Европы, происхождении культуры мака и ее распространении или из области Средиземноморья⁸⁹, или из Азии⁹⁰. Учитывая это и сказанное выше о распространении других незерновых культур, вряд ли можно всерьез принимать замечание И. Хоопса, что отсутствие находок мака в неолитических и даже бронзовых слоях Центральной и Северной Европы случайно⁹¹. Зато в области Альп и южнее археология показывает значительное распространение культуры мака начиная с неолита⁹².

Разумеется, многие высказанные выше соображения относительно заимствования названия *репы* вместе с реалией из южных областей (Балканы, Восточное Средиземноморье) могут быть с успехом применены и к названию *мака*, принимая во внимание его распространенность и хозяйственное значение с глубокой древности⁹³.

В итоге остается заметить, что если наша основная мысль верна, то мы, возможно, имеем здесь дело со своеобразными индоевропейскими диалектизмами, реконструируемыми по заимствованиям в исторически засвидетельствованных языках в виде фракийских (resp. фрако-пеласг.) основ: *rǎph-a-* (с дублетом *rǎph-u-*), *nǎr-u-* (или *nǎph-u-*) и *mǎk^h-o-*.

---

⁸⁸ R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, стр. 380; Trautmann, стр. 166; Vasmer, II, стр. 89 (там же литература); А. Сабалаяускас. Указ. соч., стр. 70 и сл.

⁸⁹ A. de Candolle. Указ. соч., стр. 503; Schrader. Reall., стр. 545; Hoops. Real., III, стр. 233 и др. (см. выше).

⁹⁰ П. М. Жукровский. Указ. соч., стр. 560.

⁹¹ Hoops. Reall., III, стр. 234.

⁹² Hoops. Waldbäume..., стр. 333 и сл.; Hoops. Reall., III, стр. 233.

⁹³ П. М. Жукровский. Указ. соч., стр. 560.